

СНОВИДЕНИЕ И ДУХОВНЫЙ ОПЫТ

В статье рассматривается сновидение как вид внутреннего опыта человека. Основная цель исследования – приблизиться к определению характера сновидческого опыта, ответить на вопрос: является ли он видом духовного опыта человека? С этой целью сновидческий опыт сопоставляется с духовным опытом по основным характеристикам, что, в свою очередь, приводит к выявлению связей сновидческого опыта с наиболее репрезентативными формами опыта духовного (религиозным, эстетическим, этическим). Автор статьи приходит к выводу о том, что сновидческий опыт не может считаться видом духовного опыта наряду с религиозным, эстетическим и этическим, однако генетически и функционально с ними связан. Исследование этих связей необходимо для понимания значения опыта сновидений в бытии человека.

Ключевые слова: сон, сновидение, сновидческий опыт, духовный опыт, трансцендирование, религиозный опыт, эстетический опыт, этический опыт.

В современной культуре существуют различные подходы к пониманию сна и, соответственно, различные концепции сновидений: мифологическая, религиозная, эзотерическая, психоаналитическая, нейрофизиологическая, психологическая, культурологическая и др. Вместе с тем вопрос о философской концепции сна и сновидений остается открытым, несмотря на существующие многочисленные высказывания философов о сновидениях и природе сна на протяжении всей истории философии. Можно выделить основные вопросы, требующие философского осмысления: о сущности сновидческого бытия человека, о характере духовной активности человека в этом бытии, о значимости сновидений для его самопознания и саморазвития.

Нейрофизиологическими исследованиями установлено, что сон представляет собой активный процесс, включающий интенсивную психическую, в частности творческую, деятельность [1]. Изучение характера этой деятельности позволило обнаружить в ней чрезвычайно сложные связи сознания и бессознательного, которые свидетельствовали о том, что сон не может рассматриваться только как бессознательное, скорее всего, это сфера диалектически сложного взаимодействия бессознательного и сознания, их обмена, их синергии [2], что выразилось в терминах «сновидная активность сознания», «сновидно измененное сознание» [3, с. 150–159].

Результатом этой активности, творчества трансформирующегося сознания, которое обменивается информацией с бессознательным, выступают сновидения, которые могут быть рассмотрены как внутренний опыт человека, несомненно уникальный, и в то же время обладающий чертами универсального. Каков же характер этого опыта? Ответ на этот вопрос, казалось бы, очевиден: сновидческий опыт представляет собой вид духовного опыта, поскольку является опытом сознания.

DREAMS AND SPIRITUAL EXPERIENCE

In the article dream is considered to be a kind of personal inner experience. The main target of research is to come closer to the definition of the character of dream's experience, to answer the question: can it be a kind of the human's spiritual experience? To achieve this goal we should compare dream's experience with spiritual experience in their basic characteristics. Hence, it leads us to finding out the connections between dream's experience and more representative forms of spiritual experience (religious, esthetic, ethic). The author of the article comes to the conclusion that dream's experience can't be a kind of spiritual experience along with religious, esthetic and ethic ones, but it is connected with them genetically and functionally. The investigation of these connections is necessary for understanding the meaning of dream's experience in human's existence.

Key words: dream, dream's experience, spiritual experience, transcendence, religious experience, esthetic experience, ethic experience.

Однако эта очевидность подвергается серьезному сомнению при более глубоком осмыслении и уточнении прежде всего того, что понимается под духовным опытом. Как известно, существует множество определений этого понятия, при этом, на наш взгляд, можно выделить три параметра духовного опыта: связь с миром, форма знания, процесс и результат трансцендирования. Духовный опыт, таким образом, предстает, во-первых, как фундаментальное взаимодействие человека и мира, выявляющее их существенные качества (постижение); во-вторых, как знание, которое непосредственно дано сознанию субъекта и сопровождается чувством прямого контакта с познаваемой реальностью (реальностью состояний самого сознания); в-третьих, как имманентный опыт трансцендентной реальности.

Сопоставление этих характеристик духовного опыта со сновидческим сразу же обнаруживает их расхождение. Действительно, о фундаментальном взаимодействии человека и мира в сновидческом опыте говорить не приходится, поскольку человек в нем взаимодействует виртуально со своим собственным миром, который выступает в превращенных формах реального мира. Поскольку в сновидениях человек имеет дело с реальностью собственного сознания, постольку результатом этого взаимодействия могут быть существенные качества человеческой субъективности, но не качества мира. К тому же необходимо подчеркнуть, что упомянутые качества должны быть эксплицированы: сновидение должно быть истолковано и интерпретировано, о чем свидетельствует многовековая практика – от первых снотолкователей до современных психоаналитиков. Однако и этих процедур недостаточно, на наш взгляд, для того, чтобы сновидческий опыт вошел в структуру духовного, его необходимо подвергнуть философской рефлексии.

Обращение ко второму параметру духовного опыта – специфическому знанию – позволяет обнаружить его сходство со сновидческим. Сновидения довольно часто предстают как своеобразный когнитивный опыт, опыт познания в форме переживания. Специфику этого переживания определяет встреча с инобытием, некой альтернативной реальностью, «невидимым миром». Этим, видимо, и объясняется тот факт, что осмысление сновидений происходит первоначально в религиозном сознании, поскольку именно в нем впервые переживается раздвоенность мира. При помощи сновидений многие культуры конструируют представления о трансцендентной реальности, иначе говоря, используют сновидческий опыт в религиозном опыте, и в этом обнаруживается общая черта этих двух видов опыта – способность к трансцендированию, к выходу за пределы чувственно осязаемой реальности.

Религиозный опыт, как известно, уникален тем, что основывается на постулировании обратной связи между естественным и сверхъестественным мирами, т. е. способности мира сверхъестественного оказывать решающее воздействие на судьбы мира естественного вообще и каждого из его обитателей в частности. Эта установка и определила отношение к сновидениям в древности, прежде всего в практическом отношении: возникают определенные приемы получения (добывания, заказывания, зарабатывания, инкубации) нужных сновидений. Все эти практики известны с древних времен. Они существовали в Древнем Египте, Индии, Китае, Греции и были основаны на вере в то, что во сне может быть реализована возможность разрешения дневных проблем. Сновидения оказывались формой общения с божествами, у которых просили совета, помощи, излечения. Это уважительное отношение к снам обнаруживается и в теоретическом отношении: формируются основы религиозной концепции сновидений, точнее, концепций, поскольку речь должна идти о двух историко-культурных ее типах – восточном и западном.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: если в использовании сновидений (практический аспект) восточная и западная традиции не расходятся, то в осмыслении их природы (теоретический аспект) различия имеются и объясняются они спецификой соответствующих типов мировоззрения – интровертного (восточного) и экстравертного (западного).

В восточных религиях сон как иллюзия, как обман, как то, что далеко от истины, предстает метафорой земной жизни. Так в «Упанишадах» [4] само состояние сна является формой земного пребывания всеобщего Атмана, и соответственно рассмотрение различных состояний Атмана является рассмотрением различных видов сна: первый (низший) вид сна (первое состояние атмана) – действие атмана в человеке во время бодрствования, то есть когда человек занимается повседневной деятельностью, трудится, накапливает необходимые навыки и знания – это первый (низший) вид познания, таким образом, то, что человек склонен считать бодрствованием, оказывается сном, сном духа. Второй вид сна (второе состояние Атмана) – действие Атмана в теле человека, когда тот спит и видит сны. Сновидения авторы «Упани-

шад» считают вторым, более высоким видом познания, ибо когда человек спит, его индивидуальный Атман как бы «отходит» от тела, от повседневных забот и впечатлений и таким образом «приближается» ко всеобщему Атману, к «истинной» жизни. Третий вид сна (третье состояние Атмана) – действие Атмана в теле человека, когда он спит и не видит снов. В этом состоянии, составляющем третий вид познания, индивидуальный Атман «растворяется» во всеобщем Атмане и испытывает «радость». Сон здесь рассматривается как уход человека в себя, вследствие чего достигается сущее.

Вообще, сон без сновидений означает восхождение индивидуального атмана к всеобщему, которое приводит к заключительной стадии – четвертому состоянию. В этом состоянии (турия) Атман вообще ничего не испытывает, то есть полностью «отключается» от всех – даже самых «тонких» – связей с материальным миром, сливается со всеобщим Атманом, становится тождественным ему. Вот здесь и наступает настоящее пробуждение от снов нашего чувственного мира и вступление в высшую реальность – мир богов.

По сути, та же идея освобождения от сновидческого характера чувственного мира, иллюзий, которые конструируются нашим непросветленным, рассудочным сознанием («я», «эго») представлена в даосизме, конфуцианстве, буддизме и дзен-буддизме. Эта идея обнаруживает цель жизненного пути – достижение полной невозмутимости, состояния «не-я», «не-думания», которое означает Всевидение: в момент озарения исчезает сконструированная сознанием сеть иллюзий и вещи предстают в их подлинном виде, полностью преодолевается вторичное «я», эго. Тогда и приходит Пробуждение, ощущение изначальной Просветленности. Подобное возможно лишь в специальных психопрактиках, целью которых является достижение конкретных, строго определенных измененных состояний сознания.

Западная религиозная концепция сновидений сформировалась в рамках христианского религиозного опыта. В отличие от восточной, в этой концепции сон рассматривается как продолжение жизни, это жизнь души, ее странствие в иных мирах, в трансцендентном. Сон тела освобождает душу от материального мира, предоставляет ей возможность диалога с Богом. Высокий статус сна удостоверяется еще и тем, что смерть заменяется «вечным сном».

Однако сон духа при жизни человека означает его фактическую смерть, смерть его души. И здесь обнаруживается двойственное отношение к сновидениям в христианском религиозном опыте, которое, во-первых, проявилось в оценке содержания сновидений: сон выступает, с одной стороны, как заблуждение, обман (сон – ложь); а, с другой стороны, как высшее откровение (сон – истина).

Второй момент проявления двойственного отношения к сновидениям связан с институционализацией христианского религиозного опыта. Дело в том, что церковь стремилась отвлечь от снотолкования, и особенно сногданания, простых людей. В то же время Библия содержит немалое количество снов как в Ветхом, так и в Новом Завете, в которых Бог передает людям свое знание. Для разрешения

этого противоречия были разработаны особая типология снов и классификация сновидцев.

Сновидения стали различать по их источнику: 1) от человека (его желудок или разум); 2) от Бога (откровение); 3) от дьявола (наваждение). Совершенно понятно, что внимания заслуживали только богооткровенные сны. Эти сны квалифицировались как пророческие. Всякий ли человек мог их видеть? Конечно, нет. Испытывая недоверие к сновидениям, церковь попыталась упорядочить практику их истолкования, выделив две категории привилегированных сновидцев, которые имели право и возможность видеть истинные, пророческие сны. Первая – это монархи, вторая – святые праведники. Однако это не могло снять проблему критерия отличия истинных снов от снов-наваждений. Церковь не могла вооружить христианина таким критерием, призывая его всячески давать отпор сновидениям. Некоторые мыслители Средневековья пытались решить эту проблему. Например, Аврелий Августин утверждал, что внутреннее чутье, проникающее в суть снов и видений, позволяет отличать наваждение от откровений [5, с. 925–926]. Но что это такое, кому оно доступно – вопрос оставался открытым. Разумеется, запрет церковью толкования сновидений не решил проблему: люди по-прежнему старались интерпретировать приснившееся. Для этого они обращались в деревнях и городах за толкованием сновидений к местным колдунам и ведуньям, а иногда и к новым привилегированным знатокам – монахам и священникам. Можно сделать вывод о том, что отношение к сновидению в христианском религиозном опыте, оценка его статуса определяется видом этого опыта – индивидуального или институционализированного.

Таким образом, сновидческий опыт как особый опыт переживания и трансцендирования достаточно органично вписывается в структуры такого вида духовного опыта, как религиозный, обретает в нем своеобразную легитимацию.

В сфере эстетического духовного опыта сновидческий опыт как особый опыт переживания присутствует в различных видах искусства от их зарождения и до наших дней. Более того, есть основания полагать, что первые опыты «работы» нашего далекого предка со своими сновидениями – их рассказывание, изображение явились стимулами к художественной деятельности. Сама метафорическая и метонимическая природа и «художественный» характер сновидений способствуют их использованию (в качестве художественного приема) как образов реальности, альтернативной реальности бодрствования. Сны можно рассматривать как символические и многосмысловые тексты, сближающиеся с художественными текстами, с произведениями искусства. Сновидение как форма аккумуляции и выражения смыслов присутствует во всех жанрах мировой художественной литературы, а также в искусстве музыки и танца. Но по своей творческой природе сон наиболее близок визуальному искусству [6, с. 271–306], и прежде всего изобразительному.

Образы современного искусства оказываются созвучными образам наших снов своей беспредметностью, алогичностью, парадоксальностью, ирреальностью, принципиальной открытостью, незавершенностью. Они раздвигают границы повседневного, узнаваемого и переносят нас,

подобно многим нашим снам, в иные, возможные миры, и в то же время, сложной цепью ассоциаций связывают эти миры с нашим бодрствующим бытием, подобно тому, как некоторые наши сны вплетаются в ткань повседневности, помогая ее осмыслению или, напротив, ставя проблемы, тревожа нас, заставляют мысленно возвращаться к ним вновь и вновь, даже спустя длительное время, и просто повторяются. Открытие новых смыслов, визуальные образы, символы невидимого – вот то, что роднит образы современного искусства и сновидения.

Соотнесение сновидений и образов современной живописи обнаруживает прежде всего те имманентные свойства, одинаково присущие художественному воображению и сновидениям, которые были впервые выделены Фрейдом: образность, «превращение мыслей в ситуацию» (драматизация) и «картинная переработка психического материала» [7, с. 218]. В сновидениях обнаруживается прием смещения, сдвига: выдвигание на первый план второстепенных элементов, направленный на то, чтобы скрыть, исказить, вытеснить тот или иной нежелательный смысл. В искусстве он приобретает даже большее значение: придает новые смыслы тем сторонам человеческой жизни, которые до сего момента считались второстепенными. Монтаж, коллажная техника, возникающие в результате «смещения», присущи в равной мере как сновидениям, так и художественному творчеству.

Заслуживающим внимания является использование этих приемов, а также формы, структуры сновидений в изобразительном искусстве, которое может быть как осознанным, так и бессознательным, причем чаще всего наблюдается последнее. Как известно, вполне осознано метод использования сновидческого опыта художника и приемов, аналогичных «работе» сна был провозглашен в «Сюрреалистическом манифесте» А. Бретона и наиболее полно воплотился в творчестве С. Дали, который в качестве необходимой составляющей своего художественного метода особо выделял переосмысление феноменов сновидений. Сновидческий опыт обнаруживается и в произведениях тех художников, которые никогда явно не выражали свою приверженность сновидениям: Шагала, Климта, Магритта, Поллока, Эшера и многих других.

Связь сновидческого опыта с этическим, точнее, нравственным, возможно, не столь наглядна, поскольку доминанта нравственного опыта – сфера поступков. Вместе с тем каждому человеку знакомо переживание нравственных коллизий во сне. Еще З. Фрейд отмечал наличие и трансформации «нравственных чувств» в сновидении [7, с. 59], приводя в своей книге «Толкование сновидений» различные противоречивые точки зрения психологов и философов по проблеме наличия нравственности в сновидении, уклонившись при этом от собственного ответа. Однако представленный на страницах этой книги анализ его собственных сновидений демонстрирует наличие в них, например, чувства вины, ответственности, желание быть оправданным [7, с. 98]. В сновидческом опыте любого (достаточно взрослого человека) этический опыт представлен одним, но чрезвычайно важным компонентом – эмоционально-чувственным. Образы сновидений (фантастические или реалистичные) могут манифестиро-

вать те нравственные чувства и их тончайшие оттенки, которые не осознаются подчас человеком в хаосе впечатлений и событий бодрственной жизни: чувство стыда, вины, а также любви, жалости, милосердия и другие, предоставляя богатый материал для нравственной рефлексии.

Присуща ли сновидческому опыту такая характеристика духовного опыта, как способность к трансцендированию? Казалось бы, предыдущее рассмотрение связей его с наиболее репрезентативными видами духовного опыта дает положительный ответ на этот вопрос. Действительно, тенденция к трансцендированию, к выходу за пределы чувственно осязаемой реальности обнаруживается, но где это происходит? Конечно, не в самом сновидческом опыте, а, скорее, в опыте рефлексии.

Сам же опыт, переживаемый человеком в сновидениях, является опытом чувственным, телесным. Образы сновидения не являются трансцендентными сознанию сновидца, им присущи те же интенции, что и в бодрствовании. (Об этом, собственно, говорил З. Фрейд; это особо отмечали А. Бергсон, Ж.-П. Сартр и др.). В сновидениях человек чаще всего выступает не просто как созерцатель, а как непосредственный участник событий, деятель: он ставит цели, к чему-то стремится, с кем-то спорит, испытывает различные эмоции – те же, что и в бодрствовании. И даже в тех снах, которые демонстрируют действия иных, отличных от действующих в мире бодрствования законов (сновидческие полеты, например), сохраняются основные интуиции бодрствующего сознания.

Итак, проведенный анализ не дает оснований считать сновидческий опыт видом духовного опыта наряду с эстетическим, религиозным, нравственным. Вместе с тем сопряженность этих видов духовного опыта со сновидческим налицо.

Возможно квалифицировать связь сновидческого опыта с религиозным и эстетическим как генетическую. В таком случае он может быть исследован как определенная праформа, порождающая все другие формы духовного

опыта, не являющаяся духовным опытом, будучи его потенциальной формой. Это позволит ответить на вопрос об изменении статуса сновидческого опыта от высокого в традиционных культурах до уровня «следов» в современности.

Возможно также квалифицировать связи сновидческого опыта с различными видами духовного как функциональные. На наш взгляд, подобные связи существуют, но чаще всего они не осознаются человеком, поскольку сновидческий опыт редко подвергается систематической философской рефлексии.

Таким образом, рассмотрение сновидческого опыта в сфере духовного позволяет наметить определенные пути исследования его природы.

1. Вейн А. М., Яхно Н. Н., Голубев В. Л. Психофизиологические корреляты бессознательных процессов во время сна // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. 2. Тбилиси: Мецниереба, 1978. С. 112–120.
2. Ковальзон В. М. Необычайные приключения в мире сна и сновидений // Природа. 2000. № 1. С. 12–20.
3. Савченкова Н. М. Этика и прагматика сновидческой деятельности // Измененные состояния сознания: сб. ст. / под ред. А.К.Секацкого. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.
4. Древнеиндийская философия. Начальный период. М.: Мысль, 1972. 271 с.
5. Августин Блаженный. О граде Божием. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 1296 с.
6. Русская антропологическая школа: труды. Вып. 5. М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 2008. 590 с.
7. Фрейд З. Толкование сновидений. М.: АСТ, 2011. 574 с.

© Карпова Л. М., 2014

УДК 140.8

Ж. К. Кениспаев
Z.K. Kenispaev

ЗНАНИЯ КАК СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В статье анализируется проблема взаимоотношений человека и мира знаний. Автор предлагает рассматривать знания не только в качестве результата человеческой активности, но и в роли самостоятельных идеальных систем, которые имеют как метафизические, так и физические характеристики.

Ключевые слова: человек, знание, наука, диалектика.

KNOWLEDGE AS A MODE OF HUMAN EXISTENCE

The article analyzes the problem of the relationship between man and the world of knowledge. The author proposes to consider knowledge not only as a result of human activity, but in the role of independent ideal systems, which have both metaphysical and physical characteristics.

Key words: people, knowledge, science, dialectics.

Время от времени человек возвращается к исходным принципам интеллектуальной деятельности. Предлагаем проанализировать известный афоризм Ф. Бэкона «Знание – сила». Современная наука в исследовании

материального мира достигла больших результатов. Мы располагаем общей картиной мира и считаем, что все фундаментальные законы его эволюции нам известны. При этом нельзя забывать, что человек изучил лишь